

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

М. В. СТРОГАНОВ

(Калининский госуниверситет)

ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К «ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ» И «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ»

Сочинения Пушкина в основном хорошо прокомментированы, особенно те, которые изучаются в школе: «Капитанская дочка»¹ и «Евгений Онегин»². Это не значит, впрочем, что работу над комментарием к тексту этих произведений можно считать завершенной. Несмотря на обстоятельность и полноту комментариев, каждый внимательный читатель непременно откроет и свое, еще не отмеченное.

Изучение текста как такового и подробнейшее комментирование его обеспечивают науке такое толкование произведения, которое в наибольшей степени отвечает ему самому, его собственным задачам и средствам. Приведу один пример. В комментариях к «Евгению Онегину» Ю. М. Лотман отмечает, например, четыре возможных источника элегии Ленского³. Между тем это число можно умножить, так как было шесть переводов (не считая подражаний) элегии Мильвуа «Падение листьев», от которой отталкивался, видимо, и сам Пушкин⁴. Следует учесть и назвать их все, потому что это меняет трактовку элегии Ленского: создавая это «стихотворение», Пушкин рассчитывал, что хотя бы один из переводов или подражаний Мильвуа читатель знает. Поэтому элегия не только могла быть воспринята как эпигонская, подражательная, вторичная, но и должна была восприниматься таковою.

Вот почему учет всего накопленного материала столь необходим в комментаторской работе. Следует поэтому напомнить и некоторые забытые находки. Таковы, например, неопубликованные материалы, собранные А. Л. Слонимским, которые показывают становление того или иного образа, типа в пушкинской литературе. Напомню их:

гл. 1, строфа XXI, ст. 9—11:

.. на сцену

В большом рассеянье взглянул,

Отворотился и зевнул ..

Ср.: «Везде являйся, но на минуту. Во все собрания вози с собою рассеяние, скуку; в театре зевай, не слушай ничего...»

(N.N. Наставление сыну, вступающему в свет. — Сын отечества, 1817, ч. 37, № XX, с. 18)⁵;

гл. 4, строфа XIII:

Когда бы жизнь домашним кругом... и проч.

Ср.: «Вообще страшишь привязанности: она может тебя завлечь соединить судьбу твою с творением, с которым все делить должно будет: и радости, и горе. — Это вовлечет в обязанности, в должности, в хлопоты, а ты рожден для наслаждения и должен быть волен как воздух. — Обязанности для простых умов; — ты стремись к высшим подвигам» (N. N. Наставление сыну, вступающему в свет, с. 23)⁶.

Эти материалы показывают тот исторический фон, на котором и должен восприниматься образ Онегина.

Цель настоящих заметок заключена в том, чтобы обратить внимание на еще не отмеченные моменты текста.

Евгений Онегин

(I) гл. 1, строфа XXIII, ст. 5—10:

Все, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон щепетильный
И по Балтическим волнам
За лес и сало возит нам,
Все, что в Париже вкус голодный,
Полезный промысел избрав,
Изобретает для забав,
Для роскоши, для неги модной...

Ср.: «Из Кронштата. На сих днях прибыли в здешний порт корабли: 1. Тромпрег (фр.: Обманщик) из Руана в 18 дней: 2. Vettiles (фр.: Безделушки) из Марсельи в 23 дни. На них следующие нужные нам привезены товары: шпаги французские разных сортов, табакерки черепаховые, бумажные, сургучные, кружевы, блонды, бахромки, манжеты, ленты, чулки, пряжки, шляпы, запонки и всякие, так называемые галантерейные вещи: перья голландские в пучках чиненые и нечиненые, булавки разных сортов и прочие модные мелочные товары, а из петербургского порта на те корабли грузить будут разные домашние наши безделицы, как то: пеньку, железо, юфть, сало, свечи, полотна и проч. Многие наши молодые дворяне смеются глупости господ французов, что они ездят так далеко и меняют модные свои товары на наши

безделицы» (Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л., 1951, с. 63. — Трутень. СПб., 1769, лист VI).

(2) гл. 1, строфа XXIV, ст. 4:

Духи в граненом хрустале...

К комментарию Ю. М. Лотмана «духи в начале XIX в. были модной новинкой» и к приводимым им воспоминаниям М. И. Пыляева, что «духи вошли в употребление у нас только в конце прошедшего (имеется в виду XVIII. — М. С.) столетия»⁷, — добавим свидетельство Н. И. Новикова: «Нарцисс для умножения своих прелестей не щадит ни притираньев, ни душистых вод» (Сатирические журналы Н. И. Новикова, с. 166. — Трутень, 1769, лист. XXXIII). Здесь, как видим, еще нет даже специального слова для обозначения жидких духов.

(3) гл. 1, строфа XLV, ст. 8:

Я был озлоблен, он угрюм...

Ср.: «современный человек Изображен довольно верно... С его озлобленным умом...» (гл. 7, строфа XXII, ст. 8-9, 13); «озлобленный ум» — о Грибоедове в «Путешествии в Арзрум»⁸.

(4) гл. 1, строфа XLVIII, ст. 8:

С Мильонной раздавался вдруг...

Это, скорее, указание не на место проживания П. А. Катенина⁹, а на место жительства княгини Е. И. Голицыной: «Дом ее, на Большой Миллионной, был артистически украшен кистью и резцом лучших из современных русских художников» (*Вяземский П. А.* Из старой записной книжки, начатой в 1813 году. — Русский архив, 1875, кн. 2, с. 175). Поскольку ночные приемы в салоне Голицыной были хорошо известны (не даром ее прозвали *La Princesse Nocturne* — Ночная Княгиня), это и вошло в роман как характерная черта эпохи, тем более, что дом ее на Большой Миллионной находился как раз вблизи того места, где Онегин с автором могли расположиться напротив Петропавловской крепости. (5) гл. 1, строфа LIV, ст. 1-9:

Два дня ему казались новы
Уединенные поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихого ручья;

На третий роща, холм и поле
Его не занимали боле;
Потом уж наводили сон;
Потом увидел ясно он,
Что и у деревне скука та же...

Ср.: «Вышед из Лицея, я почти тотчас уехал в Псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч., но все это нравилось мне недолго» (мемуарная запись, 19 ноября 1824 года. — т. 7, с. 238).

(6) гл. 2, строфа VI, ст. 14:

...И кудри черные до плеч.

Ср.: «Все пленяет нас в Эсфири: Упоительная речь, Поступь плавная в порфире, Кудри черные до плеч...» («На Колосову», 1819. — т. 1, с. 106).

(7) гл. 2, строфа X, ст. 1:

Он пел любовь, любви послушный...

Ср.: «Он пел любовь, — но был печален глас; Увы! он знал любви одну лишь муку...» (*Жуковский В. А. Певец*. — Полн. собр. соч.: В 12-ти т. СПб., 1902, т. 1, с. 93). Строки эти применительно к самому себе Пушкин цитирует уже в лицейском дневнике от 29 ноября 1815 г. (т. 8, с. 256). Ср. также у самого Пушкина в стихотворении 1815 г.: «Слыхали ль вы за рощей в час ночной Певца любви, певца своей печали?» (т. 1, с. 22).

(8) гл. 2, строфа XVI, ст. 4:

Плоды наук, добро и зло...

Помимо указания на Руссо, здесь, видимо, есть ссылка и на русскую традицию — у М. М. Хераскова есть поэма «Плоды наук» (М., 1761), дающая самый этот термин.

(9) гл. 3, строфа V, ст. 8-9:

В чертах у Ольги жизни нет.

Гочь-в-точь в Вандиковой Мадоне...

В белой рукописи было «Как в Рафаелевой Мадоне». Ю. М. Лотман полагает, что «П(ушкин) не имел в виду никакой конкретной картины Ван-Дейка... Вероятнее всего, П(ушкин) назвал Ван-Дейка как представителя фламандской школы, ассоциировавшегося в его сознании с опреде-

ленным типом живописи»¹⁰. Это верно, хотя, учитывая тот ряд стихотворений, в которых впоследствии появится образ «Рафаэлевой Мадоны» («Я помню чудное мгновенье...», «К***» («Ты богоматерь, нет сомненья...»), «Кто знает край, где небо блещет...», «Ее глаза», «Жил на свете рыцарь бедный...», «Мадона»), можно уточнить, что противопоставление «Рафаэлевой Мадоны» — «Вандиковой Мадоне» приобретает характер «высокое-низкое». Поскольку изменение сделано в паборном варианте текста главы, оно принадлежит, очевидно, к 1827 г. и произведено с учетом некоторых этих стихотворений.

В слове «Мадона» в первопечатном тексте было следующее окончание: «Как у Вандиковой МадонЕ», что было отмечено в рецензиях «Северной пчелы» и «Дамского журнала» (см.: Русская критическая литература о произведениях А. С. Пушкина / Собрал В. Зелинский. М., 1904, ч. 2, с. 55, 64) как грамматическая ошибка. Исправление сделано Пушкиным, вероятно, в ответ на эти замечания. Тем более интересно, что аналогичный случай, указанный тем же князем П. И. Шаликовым в «Дамском журнале» как ошибка того же рода, — «С семинаристом в желтой шалЕ» (гл. 3, строфа XXVIII, ст. 3) не был исправлен Пушкиным.

(10) гл. 3, строфа XXVII, ст. 3-4:

Могу ли их (дам. — М. С.) себе представить
С «Благонамеренным» в руках!

Примечание самого поэта: «Журнал, некогда издаваемый покойным А. Измайловым довольно неисправно. Издатель однажды печатно извинялся перед публикою тем, что он на праздниках гулял» (т. 4, с. 164) — скрывает истинную причину упоминания «Благонамеренного», хорошо известную современникам. В сатире А. В. Воейкова «Дом сумасшедших» Измайлову посвящена следующая строфа:

Вот Измайлов, автор басен,
Рассуждений, эпиграмм.
Он пищит мне: «Я согласен,
Я писатель не для дам.
Мой предмет — носы с прыщами,
Ходим с музою в трактир
Водку пить, есть лук с сельдями,
Мир квартальных есть мой мир».

(Лотман Ю. М. Сатира Воейкова «Дом сумасшедших». — Уч. зап./Тартуск. гос. ун-т, 1973, вып. 306, с. 20). Здесь дана как полная характеристика всего журнала, так и причина того, почему Пушкин считает его журналом «не для дам».

(11) гл. 4, строфа XLII, ст. 9-12:

На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лед,
Скользят и падает...

Ср. в очерке Ю. Сомова «Французские чудаки» описание Парижа «в январе: 1820 года, когда морозы простирались до 13 градусов и река Сена стала на несколько дней»: «Мне смешно было видеть целые толпы народа, собравшиеся около прудов Тюльерийского сада после первого мороза и нетерпеливо ожидающие, когда лебеди пойдут по молодому льду, чтобы позабавиться, как они будут скользить и падать» (Полярная звезда на 1823 год. — В кн.: Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылевым. М.; Л., 1960, с. 174).

(12) гл. 7, строфа XLV, ст. 11:

И тот же шпиц, и тот же муж...

Здесь — контаминация двух реплик из «Горя от ума», которые, кстати говоря, хотя и должны были ассоциироваться между собой, не у каждого читателя связывались в единое целое: «муж-собачка». Молчалин говорит Хлестовой: «Ваш шпиц, прелестный шпиц...». А Наталия Дмитриевна объявляет Чацкому: «Мой муж — прелестный муж...».

Реминисценцией из Грибоедова следует полагать также и предшествующие строки:

У Пелагеи Николавны
Все тот же друг мосье Финмуш...

Это реализация предположения Чацкого о Гильоме, «французе, подбитом ветерком», — о том, что он может жениться на любой московской барыне.

Наконец и последующая строка «А он, все клуба член исправный» — реминисцирует реплику Чацкого: «Ну что ваш батюшка? все Английского клуба Старинный, верный член до гроба?» (Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3-х т.

СПб., 1913, т. II, с. 67, 57, 19-20, 18). Вместе с другими отсылками эти реминисценции создают в VII главе плотный фон «грибоедовой Москвы».

(13) гл. 8, строфа XIII, ст. 2-4:

Охота к перемене мест
(Весьма мучительное свойство,
Немногих добровольных крест).

Вторичность этого суждения у Пушкина должна была осознаваться современниками. Во всяком случае П. А. Плетнев, которому и был посвящен весь роман и который, естественно, хорошо знал его, в своих воспоминаниях об И. А. Крылове писал: «добровольный крест, так назвал В. Г. Тепляков страсть к путешествиям» (И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982, с. 204).

(14) гл. 8, строфа XLIV, ст. 10-14:

Не потому ль, что мой позор
Теперь бы всеми был замечен
И мог бы в обществе принести
Вам соблазнительную честь?

Ходячие представления о том, что «ничто так не формирует молодого человека, как связь с порядочной женщиной» (черновая редакция «Войны и мира». — Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90-та т. М., 1949, т. 13, с. 577), что «ничто ...не давало последней отделки молодому человеку, как связь в высшем свете» (Анна Каренина. — Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22-х т. М., 1981, т. VIII, с. 193), очень четко сформулированы в любимом Пушкиным романе Э. Бульвер-Литтона «Пелам»: «Ничто, мой дорогой сын, не может быть лучше связи (разумеется, вполне невинной) с женщиной, пользующейся значением в свете».

(15) гл. VIII, строфа XLVII, ст. 13—14:

Но я другому отдана;
Я буду век ему верна.

Ср.: «Я достануся иному, друг, И верна буду по смерть мою» (Чулков М. Д. Собр. разных песен: В 4-х ч. СПб., 1913, ч. 3, № 66).

Капитанская дочка

(1) В самом названии произведения отражен пушкинский взгляд на предмет изображения. Название принадлежит

«издателю», герои же не говорят самого слова «дочка». Гринев говорит: «Маша, капитанская дочь...»; Швабрин же напевает песню: «Капитанская дочь, не ходи гулять в полночь...». «Дочка» — это слово дает народный ключ к прочтению произведения и к пониманию образа главной героини. Оппозиция официального, государственного «дочь» и неофициального, домашнего «дочка» укладывается в общую оппозицию официального «суда» и личного «милосердия», организующую идейную структуру «Капитанской дочки» (см.: *Лотман Ю.* Идейная структура «Капитанской дочки». — В кн.: Пушкинский сборник. Псков, 1962, с. 3-20), но вместе с тем и обогащает эту оппозицию.

(2) **Однажды осенью матушка варила в гостинной медовое варенье...** Здесь замечена весьма характерная смена эпох в жизни русского дворянства на рубеже XVIII—XIX вв. Мед еще в XVIII в. был основным продуктом для выработки сладостей, в том числе и варенья готовились на меду. Но с разложением натурального хозяйства дорогостоящий мед был вытеснен сахаром. Вот почему престарелый Петр Гринев, вспоминая дни своей молодости, говорит и о медовом варенье.

(3) **Я увидел в самом деле на краю неба белое облачко, которое принял было сперва за отдаленный холмик.** Описание бурана восходит, помимо собственных впечатлений Пушкина от Оренбургского края, к очерку А. О. Корниловича «За богом молитва, а за царем служба не пропадет», с которым Пушкин познакомился по «Полярной звезде» на 1825 год: «Кто был зимою или в начале весны в южной России, тот имеет понятие о вьюгах, свирепствующих иногда в обширных тамошних степях. Небольшое белое облако, появляющееся среди ясного дня на синем небе, возвещает жителям о предстоящей грозе... В одно мгновение облако распространяется по всему небу. Сильный ветер начинает мести землю, унося с собою все, что ни встречает на пути. При дневном свете не видишь дня. Снежные равнины представляют вид волнующегося моря: в одном месте видите высокие сугробы снега; в другом — голую землю» (Полярная звезда., с. 582).

М. И. Гиллельсон и И. Б. Мушина считают, что пушкинское описание бурана восходит к очерку С. Т. Аксакова «Буран» (1834)¹¹. Между тем к сочинениям А. О. Корниловича Пушкин обращался и прежде — при работе над «Арапом Петра Великого», а в описании бурана у Аксакова есть

явные заимствования из самого Пушкина. В словах «уже в обыкновенном шуме ветра слышался иногда как будто отдаленный плач младенца, а иногда вой голодного волка» (Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 4-х т. М., 1955, т. 2, с. 409) заметны отголоски «Зимнего вечера»: «То, как зверь, она завоет, То заплачет, как дитя». Поэтому предполагать вторичную реминисценцию — Пушкин-Аксаков-Пушкин — неосновательно.

(4) **Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!** В настоящее время считают, что эти слова принадлежат не только автору — Пушкину, не только герою — Петру Гриневу, но сразу обоим¹². В оценке «русского бунта» как «беспощадного» точки зрения автора и героя совпадают (ср., например, пушкинскую оценку «ужасов» восстания в новгородских поселениях, лежащую в русле обычных дворянских оценок событий 1831 г.). Оценка же «бессмысленный» принадлежит тоже Пушкину и Гриневу одновременно, но характеризует их различно. Для Гринева бессмысленность «русского бунта» в его неподготовленности, необъяснимости, странности. Гринева не видит и не понимает истинных причин народного выступления. Для самого Пушкина бессмысленность бунта заключена в его бесперспективности. Пушкин справедливо не видит никаких возможных результатов восстания, но историческая закономерность его очевидна. Гринева говорит о причинах восстания, Пушкин же — о его целях. В этом и сказывается перерастание Пушкиным узкоклассовой точки зрения на восстание.

(5) **И Мария Ивановна увидела даму, сидевшую на скамейке противу памятника.** Вслед за Н. В. Яковлевым М. И. Гиллельсон и И. Б. Мушина возводят этот эпизод первоначального знакомства Маши Мироновой с Екатериной II к «Анекдоту», где вместо русского монарха фигурирует в аналогичной ситуации римский император Иосиф II (Детское чтение для сердца и разума. М., 1786, ч. VII, с. 110-111)¹³. Однако известен и русский вариант анекдота, исключительно популярный и, очевидно, имевший реальное основание, — о Прасковье Лупаловой, вымолившей прощение своему отцу у государя (многочисленные варианты анекдота приводятся в ст.: *Ивашина Е. С.* Путешествие как жанр русской литературы конца XVIII — первой трети XIX века: К специфике изучения. — В кн.: Культурологические аспекты теории и истории русской литературы. М., 1978, с. 53-54, 55). К материалам, приведенным Е. С. Ивашиной, добавим

еще один, несомненно известный Пушкину. Ф. Н. Глинка в книге «Письма к другу...» (СПб., 1816, ч. 1, с. 111-112) пишет про крестьянина, который «слишком за две тысячи верст пришел сюда, чтобы подать прошение императрице. И просьба его принята, и он остался совершенно утешенным». К этому месту Глинка делает примечание: «Известная добродетельная девица Лупалова, пришедшая за 6000 верст из Сибири просить за отца, была также принята, выслушана, обласкана, и осчастливлена императрицею». Учитывая роль Ф. Н. Глинки в создании стихотворения «К Н. Я. Плюсковой», естественно предполагать, что Пушкину история девицы Лупаловой была известна от самого автора «Писем к другу». Это и делает более вероятным использование Пушкиным именно глинковского варианта анекдота.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гиллельсон М. И., Мушина И. Б. Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Комментарий. Л., 1977.

² Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1980.

³ Там же, с. 297.

⁴ История русской литературы: В 4-х т. Л., 1981, т. 2, с. 28 (раздел написан Е. Н. Купреяновой).

⁵ Слонимский А. «Горе от ума» и комедия эпохи декабристов. — В кн.: А. С. Грибоедов. 1795—1829. Сборник статей. М., 1946, с. 59.

⁶ Там же, с. 60.

⁷ Лотман Ю. М. Указ. соч., с. 153.

⁸ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10-ти т. М., 1975, т. 5, с. 368 (далее ссылки даются по этому изданию с указанием тома и страницы).

⁹ Лотман Ю. М. Указ. соч., с. 171.

¹⁰ Там же, с. 210.

¹¹ Гиллельсон М. И., Мушина И. Б. Указ. соч., с. 82—85.

¹² Там же, с. 155—157.

¹³ Там же, с. 163—164.

А. М. ГОРШМАН, Н. А. МАРЧЕНКО
(Государственный Литературный музей, Москва)

ОБ АТРИБУЦИИ ПОРТРЕТА МОЛОДОГО ЧААДАЕВА

Имя замечательного мыслителя, автора «Философических писем» Петра Яковлевича Чаадаева широко известно. О нем вспоминает Герцен, его дружбу ценил Пушкин, его личность во многом определяла идейную жизнь России 1830-х годов.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
КАЛИНИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. С. ПУШКИН
И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сборник научных трудов

Калинин 1983